ЕЩЕ РАЗ МЫСЛИЮ ПО ДРЕВУ

О. Н. ТРУБАЧЕВ

«Темные места» Слова о полку Игореве продолжают по-прежнему привлекать внимание исследователей — лингвистов и литературоведов, славистов и тюркологов и т. д., ср., например, в самое последнее время заметки этнографа Н. И. Гаген-Торн[1]. Темных, или загадочных, мест действительно много в небольшом по объему тексте великой поэмы. Их многостороннюю проблематику можно свести к двум узловым моментам, неизбежно присутствующим в трактовке каждого случая: членение на слова и соотнесение слов «Слова» с лексикой, известной из других источников. Последний момент едва ли не самый трудный, потому что очень часто и имена, и слова, встречающиеся в «Слове», не встречаются более нигде. Сюда примыкают примеры, свидетельства о которых за пределами «Слова» проблематичны или оспариваются, по крайней мере частью авторов. Такой характер имеет и интересующий нас здесь гапакс *мыслию по древу*: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.

Кажется, ничто не мешает видеть здесь (*мыслію*) надежную форму от известного слова *мысль*. Так читают это место те прежние и современные исследователи, по мнению которых этим словом здесь обозначается воображение[2]. Как будто такое толкование подтверждается словоупотреблениями *мыслію смыслити*, *мыслію прелетѣти*, *мыслію. . . мѣритъ* и близкими в тексте «Слова»[3], передающими умственный, мысленный взор, образ, мысль и далее — замысл, умысл. Прочие древнерусские данные, а также значение и употребление современного русского слова *мысль* в свою очередь поддерживают это толкование. За малым, казалось бы, исключением: словоупотребление основной цитаты (. . . растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы) по-прежнему сопротивляется объяснению от *мысль* 'воображение, умственный образ, мысль'. Не случайно поэтому все сторонники этого последнего толкования главную свою аргументацию направляли против упомянутого места «Слова» и его возможного иного понимания. Надо отдать должное остроумию и учености этих авторов, видевших здесь (в зависимости от индивидуальной концепции) то мифическое дерево, то древо познания,

---

[1] Н. И. Гаген-Торн. Некоторые замечания о «темных местах» «Слова о полку Игореве» (заметки этнографа). «Советская этнография» 1972, № 2, стр. 51 и след.

[2] Срезневский II, столб. 217; см. специально: В. Л. Виноградова. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 3. Л., 1969, стр. 123.

[3] В. Л. Виноградова. Там же.

мудрости, то струнный музыкальный инструмент[4]. Однако все эти построения отличает сложность, которая снижает их убедительность. До сих пор не удалось опровергнуть простого и очевидного наблюдения, сделанного еще ранними исследователями «Слова», что здесь представлен параллелизм зрительных образов животных, птиц, явлений природы[5]. Однако гиперкритицизм, развернутый в литературе вокруг этого места, возымел свое действие, чем объясняется постепенное исчезновение со страниц исследований по древнерусской лексике толкований слова *мысль* как названия зверька, белки[6].

Как в каждом старом, запутанном вопросе, спор о действительном значении *мыслию* (*по древу*) нельзя, наверное, решить простым предпочтением одной из двух противоположных точек зрения. Мы решительно возражаем против отождествления этого слова с *мысль* 'воображение, мысленный образ', но мы не можем согласиться и с чтением *мысью*, так как последнее игнорирует («улучшает») засвидетельствованную форму (*мыслию*) и не может быть принято по соображениям исторической фонетики, о чем будет сказано далее.

Кстати, о слове *мысь*. Еще в прошлом веке было указано на существование в Опочецком уезде Псковской губернии народного диалектного слова *мысь* 'белка'. В словаре Даля приводится *мысь* ж. пск. 'белка, векша' (т. II, изд. 2, стр. 365). Сам лексикограф едва ли считал названное слово странным, как полагает П. Я. Черных, во всяком случае во втором издании словаря при слове не стоит вопросительный знак, про который говорит П. Я. Черных, или другие знаки авторского сомнения. Высказывалось мнение (А. А. Потебня, П. Я. Черных, М. Фасмер, В. Л. Виноградова), что *мысь* — это диалектная форма слова *мышь*. Но здесь коренится

---

[4] В. Л. Виноградова. Указ. соч., стр. 120—122 (с подробной литературой).

[5] Подробная история вопроса и старая литература, посвященная последней точке зрения, см.: В. Л. Виноградова. Указ. соч., стр. 124—125.

[6] Так, в «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова (ч. I, изд. 2. М., 1952, стр. 371, «Словарь») прямо указано на наличие формы *мысь* 'мышь' в Слове о полку Игореве. Но уже в «Очерках по истории русского литературного языка старшего периода» С. П. Обнорского (М.—Л., 1946), в специальном разделе о лексике «Слова», это название обойдено молчанием. Правда, чтения *мысью* 'мелким зверьком' придерживается, например, П. Я. Черных («Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период». М., 1956, стр. 172), из современных авторов еще В. В. Мавродин («Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 61 и сл.), но в новой книге Ф. П. Филина «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (Л., 1972), широко исследующей древние лексические диалектизмы, слово *мыслию* (*мысью*) не упомянуто вообще. Ничего не говорит об этой форме в «Слове» М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка». Крайняя точка зрения, отвергающая чтение *мыслию* (*мысию*) 'белкой', представлена в статье: В. Л. Виноградова. Растекаться мыслью по дереву. «Русская речь», 1971, № 1, стр. 81 и след.

явное недоразумение: ведь отсутствие фонологического различения *ш* и *с*, принимаемое авторами в этом псковском диалектном слове, непременно должно было бы выразиться в тождестве значения, тем более что речь идет о слове, которое знает только о д н о значение в масштабах всей славянской языковой семьи (*myšь 'мышь') и даже индоевропейской. Но как раз значения четко различаются: *мышь* 'мышь' — *мысь* 'белка'. Диалектная форма *мысь* 'белка' продолжает особое древнее слово [7]. Постараемся решить, какое именно. Старая форма *mysь сохраниться не могла, она закономерно перешла бы в *myšь (это наглядно демонстрируют отношения и.-е. *mūs — слав. *myšь). Форма *myslь равным образом не должна была бы сохраниться[8], но дала бы *mylь, потому что s после i, ŭ, r, k перед сонантом результировало в славянском в нуль звука, о чем говорят очень надежные примеры: праслав. *žila, русск. *жила* < *gīslā, ср. лит. gýsla 'жила, сухожилие'; праслав. *luna, русск. *луна* < *louksnā; праслав. *čьrnъ, русск. *чёрный* < *kĭrsno-. Примирить между собой формы русск. диал. *мысь* и др.-русск. *мыслию* (тождество которых не вызывает у нас сомнения) можно при том условии, что между -s- и -l- находился зубной -t-. Реконструируемое *mys-tl- затем упростилось в *myslь подобно тому, как это произошло в мѣторасль < *мѣторастль; наступила омонимизация с *myslь 'мысль, воображение', затемнившая первоначальное положение вещей и содействовавшая вытеснению слова *myslь 'мелкий зверек, белка', которое с дальнейшим упрощением в *мысь* просуществовало в псковских говорах до XIX в.

Раннепраславянское *mys-tl-, или, вернее, *mūs-tl-, фонетически обязательная праформа для др.-русск. *мыслию* и русск. диал. *мысь*, содержит в первом компоненте **mūs-* 'мышь', что представляется убедительным со стороны формы и значения. Встает вопрос о функции и происхождении компонента -tl-. На первых порах может показаться, что мы имеем здесь дело с суффиксом, но этому противоречит, во-первых, ранняя эволюция суффиксального -tl- > -dl- в славянском[9] и преимущественно отглагольный характер производных имен на -dl-[10], во-вторых. Следовательно,

---

[7] Отсутствие слова *мысь* в словарных картотеках (см. В. Л. Виноградова, — «Русская речь», 1971, № 1, стр. 83) еще ни о чем не говорит, слова утрачиваются, что касается указания того же автора на отсутствие формы *мысь* в памятниках Древней Руси, то там и не должно было быть этой формы ввиду ее вторичности.

[8] В омонимичном **myslь* 'идея, воображение' -s- сохранилось, потому что не следовало непосредственно за -у-, ср. этимологии из **mūd-sl-* или из **mn̥t-sl-*.

[9] Подробно об этом см. О. Н. Трубачев. Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских диалектах. «Этимология». М., 1963, стр. 37 и след. (там же остальная литература).

[10] Исключения из преимущественной отглагольности имен на *-dl-(-tl-)* вроде **gъrnidlo* 'горнило', 'место для горна, печи' также далеки от нашего названия зверька, потому что имеют специфическое значение названия места.

-tl- в нашем слове скорее всего не является суффиксом. Ответ на вопрос о его природе, как и о составе всего образования дает внешнее сравнение с родственной лексикой других индоевропейских языков. Так, мы полагаем, что раннепраславянское название мелкого зверька *mūstlĭ родственно лат. mūstēla 'ласка', 'каменная куница'. Этимологическое отождествление славянского и латинского названий животных носит характер двустороннего этимологического решения, поскольку самый факт отождествления помогает выяснить этимологию как славянского, так и латинского слова. Об истории изучения темного славянского (древнерусского) слова говорилось выше. Что касается лат. mūstēla, то оно признавалось до сих пор в литературе неясным [11]. Сомнений не вызывало, пожалуй, только наличие mūs 'мышь' в первом компоненте [12]. «Но для следующего компонента приемлемое сближение отсутствует»[13]. Действительно, существующие в литературе этимологические сближения второго компонента mūs-tēla столь умозрительны и произвольны, что могут быть здесь опущены без колебания, интересующегося соответствующими данными читателя можно отослать к богатому библиографией словарю Вальде—Гофмана. Именной суффикс -tela в латинском нам неизвестен [14], в чем можно видеть сходство словообразовательной характеристики с раннепраславянским *mūstlĭ. Существуют латинские отглагольные и отыменные производные с суффиксом -ēla [15]: suādēla 'убеждение, увещевание' (suādeo 'советовать, предлагать'), nĭtēla 'блеск, блестка' (niteo 'лосниться'), candēla 'свеча' (candeo 'блистать, сиять'), fugēla 'бегство' (fŭgio 'убегать'), querēla 'жалоба' (quĕror 'жаловаться'). Не исключено, что исход слова mūstēla подвергся влиянию этих суффиксальных производных на -ēla- [16], ср. nītēla в значении 'полевая мышь' [17], но изначальное присутствие суффикса -ēla- и членение mūs-t-ela в высшей степени сомнительно. Латинский не знает производных с суффиксом -t- от консонантной основы mūs, mūris 'мышь' типа лат. ōs-t-ium, др.-инд. óṣ-tha-, ст.-слав. оуѕ-т-а; случай лат. musta представляет собой обратное производное, полученное путем переразложения [18]. Ста-

---

[11] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. von J. B. Hofmann. Bd. II. Heidelberg, 1954, стр. 135; A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. т. II, 3e éd. Paris, 1951, стр. 754—755.

[12] Walde—Hofmann, там же.

[13] Там же.

[14] Ср. ошибочно И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков. Латинско-русский словарь. Под общей редакцией С. И. Соболевского. М., 1949, стр. 570: mustēla, ae f (demin. к mus.).

[15] Полные сведения на этот счет можно почерпнуть из обратного словаря латинского языка: O. Gradenwitz. Laterculi vocum latinarum. Leipzig, 1904, стр. 292.

[16] Ср. A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910, стр. 504.

[17] Ernout, Meillet, там же.

[18] Walde—Hofmann, там же.

рым прилагательным от лат. mūs является лат. mūrīnus 'мышиный, крысиный' < и.-е. *mūsīnos > слав. *myšinъ. Сказанное сильно подрывает реконструкцию для лат. mystēla производного с суффиксом -t- *mus-t-, сомнительную и для других индоевропейских языков. Мы имеем в виду осет. mystulæg 'ласка (зверек)', которое В. И. Абаев ярко и убедительно в целом сблизил с однозначным лат. mustela[19]. Наращение -t-, имеющееся в осет. myst 'мышь' должно, видимо, объясняться особо. Исход -æg в mystulæg является широко популярным осетинским (иранским) суффиксом, что же касается основы осет. mystul-, то мы рассматриваем ее в тесной связи с лат. mūs-tela, а также слав. *mys-tl-ь, которые, судя по всему, возникли как двуосновные сложения (тип сложения ср. лат. mus-cerda 'мышиный помет'), а не как суффиксальные производные. Поэтому мы воздержались бы от трактовки элемента -ul- в осет. mystulæg как уменьшительного суффикса, предлагаемой В. И. Абаевым[20], иначе мы не сможем объяснить структуры других вышеназванных родственных форм.

Таким образом, вероятно, что второй компонент -tel-/-tl- в названных словах является второй полнозначной основой. Единственную возможность этимологизации этой основы мы видим в сближении с и.-е. *tel-/*tl- 'поднимать, нести', ср. др.-инд. tulayati 'поднимает', др.-лат. tulo, tulere 'нести', лат. tuli, перфект (супплетивный к fero 'несу', lātus (*tlātos), причастие, tollo, tollere 'поднимать', греч. ἀνα-τέλλω 'поднимаюсь', тохарск. täl- 'поднимать, нести, носить'[21]. Семантика 'носить', 'носиться' органически близка к 'лететь, летать'. Ср. словоупотребление в русском переводе Библии (Быт. 1,2): ... и дух божий носился над водою; в польском переводе Вульгаты: a duch boży unosił się nad wodami[22]. И.-е. *mūs-t(e)l- обозначало бы носящегося, летающего зверька. В других индоевропейских языках это название закрепилось за лаской (лат., осет.), в славянском диалекте оно, видимо, означало белку-летягу, ср., между прочим, научное название последней — Pteromys, буквально что-то вроде 'летучая мышь' (греч.). Мы приходим тем самым к довольно старому толкованию реликта *мыслию* в Слове о полку Игореве, но на основе новой аргументации. Само собой разумеется, что при этом следующий далее в «Слове» контекст *по мыслену древу* надо считать позднейшим или испорченным местом, что, впрочем, уже высказывалось в литературе.

Разъяснение одной загадки истории языка приводит к новым загадкам, еще не выясненным. Такими последствиями чревато и

---

[19] В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 28.
[20] Там же, стр. 80, 130—131.
[21] J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern und München, 1959, стр. 1060—1061.
[22] См. о польской цитате с этим глаголом специально: Т. Лер-Сплавинский. Польский язык. М., 1954, стр. 123.

толкование др.-русск. *мыслию* 'белкой', праслав. *mys-tl-ь от и.-е. *tel- 'носить(ся)'. Почему было утрачено *tel- в славянском? Как относится оно к исторически засвидетельствованному слав. *letěti? Какова в таком случае действительная этимология *letěti? Как правильнее объяснить некоторые особенности этого последнего (напр., отсутствие именного -о- вокализма: letъ, а не *lotъ)? Случайно ли морфологическое сходство семантически близких греч. ἀνα-τέλλω (*τέλ-ɟω) 'поднимаюсь' и слав. *letjǫ 'лечу' (и там и тут — презентная форма на -ĭ-)? Как видим, загадка становится задачей, но это уже тема для другой работы.